

Цели и последствия использования английского языка в преподавании экономики и управления в университете¹

19 ноября 2009 г.

Профессор Марк Чесни

Цюрихский университет

Статья переведена с французского языка на русский Натальей Баландиной

L'article traduit du français vers le russe par Mme Natalia Balandina

Многие университеты франкоязычных стран или регионов обратились к активному использованию английского языка, особенно в преподавании экономики, управления и финансов. Научные исследования в этих областях делаются практически исключительно на английском. Как же происходит этот стратегический выбор, чем он оправдан и каковы... его последствия? Цель данной статьи изучить существующее положение вещей, затем попытаться ответить на заданные вопросы. Прежде всего, необходимо выявить, в чем заключаются глобальные цели.

Глобальные цели

На сегодняшний день в мире насчитывается три миллиона иностранных студентов. Эта цифра, возможно, будет расти, ведь речь идет о стратегической для разных стран области. Возможность привлечь иностранных студентов

¹ Статья была представлена на коллоквиуме «Французский язык в университетском образовании и в научных исследованиях», проводившемся в Женевском университете 18 марта 2009г.

позволяет странам оказывать определенное влияние на будущую элиту. Если говорить о Франции, то необходимо развивать на международном уровне франкофильскую и франкоязычную элиту, и давать возможность французским студентам, углубляющим свои знания за рубежом, более легко находить работу.

Существующее положение вещей

В круг основных обязанностей университетского профессора входят научные исследования и преподавательская деятельность. Какова же роль английского языка в этих двух областях на сегодняшний день?

Относительно высшего образования в сфере экономики и управления, нижеизложенные сведения получены на основе репрезентативной выборки известных университетов континентальной Европы. Многие учебные программы переведены на английский язык. Остальные могут сделать то же самое или уже являются двуязычными. Из 153 учтенных учебных программ степени Магистра², 44 используют только английский язык и 31 являются двуязычными, комбинируя родной и английский языки. В этой выборке английский стал основным языком, на котором ведется обучение, далеко опередив французский или, например, немецкий, который в этой группе является единственным языком только соответственно у 10 и 11 Магистров. Та

² Речь идет о степенях Магистра экономики, финансов и управления уважаемых европейских университетов. Затронуты шесть стран: Германия, Австрия, Испания, Франция, Италия и Швейцария. Во Франции в переписи участвовали 23 степени Магистра. Список университетов или высших школ следующий: Сорбонна, Париж-Дофин, Лион1-Клод Бернар, Лион3, НЕС и ESSEC.

же тенденция заметна, пусть и в меньшей мере, и в других областях образования. Это явление подчеркнуто в Болонском соглашении.

В области обучения экономики и финансам, переход языков континентальной Европы на английский язык пока преобладает в учебных программах магистратуры и аспирантуры, в отличие от программ бакалавриата или лицензиата. Растущее впечатляющими темпами использование английского языка часто положительно воспринимается в академических кругах. Какие аргументы выдвигаются в его защиту?

- 1) Это облегчит пребывание за рубежом для студентов и преподавателей.
- 2) Это придаст учебным программам большую наглядность и поспособствует их сближению с профессиональной средой.
- 3) Программы, развиваемые (естественно, на английском языке) совместно несколькими европейскими университетами, смогли бы получать финансовую помощь из Брюсселя.
- 4) Выбор языка будет свободным. Он не будет влиять ни на содержание, ни на форму обучения, т.е. не будет представлять никакой опасности.
- 5) Продолжение использования местного языка в образовании не имеет смысла, т.к. финансовая индустрия и экономическая активность требуют использования английского языка.

Имеются и другие, менее цивилизованные, аргументы. Университетов, способных совершить переход на английский язык умеют то, что не умеют другие, превращающиеся в отстающих.

Подобный переход рождает забавные, если не сказать смешные ситуации.

Преподаватель французского языка может быть вынужден говорить на английском с аудиторией, состоящей исключительно из франкоговорящих студентов.

То же самое происходит и в области *научных исследований*. В настоящее время популярно оценивание университетских преподавателей, происходящее на основе списка научных изданий, разделенных чаще всего на три группы, в зависимости от предполагаемых качеств. В группе "А" находятся, так называемые, лучшие (или "топ"). В группе "В" те, кто считается интересным, но, тем не менее, не дотягивает до "топ". В последней группе "С", находятся издания, причисляемые к проходным, что часто воспринимается как эвфемизм. Зачастую издания на неанглийском языке отсутствуют в группах "А" и "В". Почему? Было бы заманчиво ответить: по существу, раз они печатают статьи на "местном языке", значит они плохого качества!

Таким образом, сегодня для построения успешной университетской карьеры практически невозможно опираться на статьи, написанные на другом, а не на английском языке. Более того, статьи, напечатанные на других языках имеют плохой прием. Написанное же на английском языке, при схожем качестве, сегодня имеет большую весомость, чем то, что написано, к примеру, на французском. Данное явление известно, например, в кинематографической среде. Американские кинозвезды, по сути, не лучше европейских, но им, в отличие от своих европейских собратьев, удается добиваться всемирного признания.

Издателями этих "топовых изданий" чаще всего являются американские

профессора. Таким образом, их коллеги из англоязычных стран обладают явным преимуществом, поскольку, с одной стороны, они пишут на своем родном языке, а с другой, они располагают настоящей близостью с этими издателями.

Важные научные конгрессы также избрали английский единственным языком их проведения. В 80-х гг. международные конференции, организованные во Франции, например, в области финансов, были двуязычными с использованием синхронного перевода. Но английский язык быстро приобрел популярность. В то время американские коллеги, зачастую сами были удивлены переходом на английский, считая вполне достаточным синхронный перевод. Поскольку, они желали бы применить на практике имеющиеся у них познания во французском языке.

Для некоторых профессоров, ответственных за организацию международных конгрессов, качество и английский язык - синонимы. На самом деле, как мы часто слышим, стремление к высокому качеству проходит через удаление любой статьи, представленной на французском языке. Внимание уделяется только статьям, написанным на английском. Зачастую эти конференции частично финансируются общественными фондами, французского происхождения. Такова тенденция, констатируемая на международном уровне. Латиноамериканские общества организуют конгрессы, объединяющие португалоязычных и испаноязычных коллег. Их официальным языком является английский, при минимальном участии в этих конгрессах американских исследователей.

Если обратиться к Нобелевским премиям по экономике, то интересно заметить, что почти за 60 лет, была выдана только одна премия франкоговорящему члену

франкоязычного университета (или высшей школы). Имеется в виду Морис Алле (Maurice Allais), получивший премию в 1988 году. В списке мы обнаружим только 5 из 64 лауреатов-профессоров из неанглоязычных университетов. То есть, примерно 94 % лауреатов являются членами англоязычных университетов, и примерно 86 % - американских.

Возможно, все происходящее вполне естественно. Оно лишь отражает мощь американской экономики и вклад лауреатов из этой страны в международный экономический и социальный прогресс. Но ведь американская экономика представляет не 86 % мировой экономики, а намного меньше - примерно 25 % (перед кризисом в 2007 г.). Кроме того, стоит отметить, что двое из этих награжденных (Роберт Мертон (Robert Merton) и Майрон Шоулз (Myron Scholes), получившие награды в 1997 г.) были впоследствии причастны к падению инвестиционного фонда LTCM в 1998 году, и что 10 из них происходят из Чикагского университета, прославившегося своим ратованием за крупнейшее ослабление регулирования рынков, ставшее одной из причин серьезного кризиса в 2007 и 2008-х гг.

Метод раздачи премий, возможно, связан с существующей концентрацией Нобелевских премий в тех или иных странах или университетах. Точнее говоря, прежде чем принять решение советуются с видными представителями академических кругов: обладателями Нобелевских премий по экономике, руководителями экономических изданий... которые чаще всего базируются в англо-саксонском мире и, в частности, в США. Каждый из них должен предоставить список с именами профессоров, достойных премии, за

исключением своего собственного имени. Как тут устоять против искушения выбрать одного из своих бывших аспирантов, подходящего по всем параметрам для такой-то премии, и не предложить его имя? Последствием этого "интеллектуального кровного родства"³ является тревожащая нехватка культурного разнообразия, о чем пойдет речь в следующей части.

Каковы последствия этой эволюции?

Во-первых, *крупная гомогенизация образования*. Занятия все чаще и чаще ведутся на одном - английском языке, с одними и теми же книгами, вне зависимости от учреждения. Действительно, существует множество трудов, написанных американскими коллегами, и учебнику, созданному европейским профессором трудно пробиться на этом рынке. Он будет воспринят, как слишком ограниченный в географическом смысле и маловероятно сможет занять свою нишу. Впрочем, организации, занимающиеся аккредитацией, внимательно следят за учебными планами и используемыми книгами, также способствуя гомогенизации. Так, европейская студенческая программа Erasmus Mundus на своем интернет-сайте⁴ содержит параграф, обнаруживающий противоречия, с которыми она столкнулась: с одной стороны, заявлена пропаганда культурного многообразия и использования, по крайней мере, двух языков в рамках учебного курса. С другой – присутствует уточнение, что эти

³ Между 1980 и 2009 гг. около 45% лауреатов Нобелевских премий имели научного руководителя-обладателя Нобелевской премии.

⁴ Источник: <http://lct-master.org/index.php?id=faq#10>

два языка вполне могут представлять собой один - английский. При чтении между строк прекрасное культурное многообразие стирается, и европейский налогоплательщик финансирует⁵ программы исключительно на английском языке, содержащие занятия по "местным языкам", на посещение которых у студентов редко хватает времени. Послание к студентам таково: вы можете посещать на досуге уроки французского, итальянского....если желаете, но внимание, не стоит терять время на подготовку к экзаменам. Эти местные языки, в иную эпоху именовавшиеся туземными, представляют культурный интерес, но не имеют профессиональной пользы, поскольку все обязательные занятия проходят на английском.

Здесь стоит отметить, что аргумент, по которому интенсивное использование английского, влекущее за собой гомогенизацию, должно привести к увеличению количества студенческих обменов, является двойким. Пребывание в зарубежном университете не представляет из себя большого интереса, если тамошние язык обучения и учебники - те же. Эта тенденция идет вразрез с идеей, по которой университеты должны формировать блестящие прогрессивные умы, способные противостоять вызовам будущего.

Недавний кризис подкрепляет эту идею. Генеральных директоров компаний упрекали в слепом поведении. Гомогенизация учебных программ усиливает это явление.

Иностранцы студенты, особенно учащиеся в магистратуре или в аспирантуре,

⁵ Бюджет программы Erasmus на ближайшие 5 лет составляет примерно 1 млрд евро (почти вдвое больше суммы, выделенной в 2005-2009 гг), он касается сотни магистерских и аспирантских программ.

не только не поощряются в изучении коренных языков, в частности французского, но даже отговариваются от этого. В большинстве программ для аспирантуры, как например, в INSTEAD, это называют потерей времени и призывают сконцентрироваться на занятиях.

Во Франции и во франкоговорящих странах, в том, что касается языков, иностранные студенты отбираются исходя из их познаний... в английском, а не во французском (исключением, вероятно, является Квебек). Этим студентам обычно рекомендовано перед началом занятий посетить англоговорящую страну, зачастую Англию⁶, чтобы они смогли по возможности улучшить знание, вряд ли языка Шекспира - скорее, сухого технического языка. Обучение все чаще проходит на английском, соответственно, студенты должны писать на этом языке. Их подталкивают к тому, чтобы не изучать французский язык, и в то же время средства масс-медиа регулярно констатируют потерю влияния французского, ищут причины происходящего, даже жалуются. Тем не менее, причины вполне ясны. Международная элита, реальная или виртуальная, образованная во франкоязычных странах или областях, должно быть уверена, что нужная модель находится где-то в другом месте, например, в Лондоне или в Нью-Йорке (утверждение, кажущееся еще более сомнительным в свете недавнего кризиса), и что изучение богатства и тонкостей местной культуры не уместно. Эта тенденция к чрезмерной стандартизации имеет свои опасности. Вызовы современного мира подталкивают к формированию многообразной и прогрессивной элиты, которая, помимо прочего, должна уметь адаптироваться к иной внешней среде, понимать ее и уметь общаться с местным населением.

⁶ См. отчет составленный профессором Франсуа Граном (Francois Grin) «Преподавание иностранных языков как общественная политика» (L'enseignement des langues étrangères comme politique publique, сент. 2005 г) на тему экономических последствий этой политики для Англии.

Кроме того, происходящее чаще всего удивляет и разочаровывает записанных в так называемые франкоязычные университеты, иностранных студентов, которым навязано использование английского языка, хотя в силу различных причин (например, культурной схожести и др.), они желали бы обучаться на французском языке.

Интерес представляет пример INSTEAD: около сорока лет назад речь шла о развитии школы, обучение в которой осуществлялось бы на трех языках: французском, английском и немецком. Модель бесспорно эволюционировала!

В том, что касается университетов континентальной Европы, происходящая эволюция вынуждает их избрать догоняющую стратегию. Дело в том, что гомогенизация побуждает студентов, уезжающих за границу искать оригинал, а не копию, т.е. пытаться продолжить обучение в США или в Англии, нежели в неанглоязычной стране. Европейские, в особенности франкоязычные университеты, разделяющие мысль о том, что стоит ориентироваться на американских собратьев, часто вынуждены набирать студентов, чья кандидатура перед этим была отвергнута американским учебным заведением. Некоторые из них, в конце концов, все-таки продолжают образование в США, если смогут добиться там записи.

Прием на работу преподавателя зачастую связан с пребыванием в этой стране, достаточно долгим, чтобы приобрести заметности, будучи в контакте с "топ-профессорами".

Не слишком почетное место в международных классификациях. Действительно, по Шанхайской классификации, часто цитируемой, в 2009 году из 100 лучших университетов 55 были американскими, 11 английскими и 4 канадскими. В 2008 году картина была схожей. На двадцать первых университетов приходилось 17 американских (85%), 2 английских (10%) и, наконец, один японский (5%) на 19-ой позиции. Схожие результаты давала и классификация Times Higher Education. 13 (65%) из 20 лучших университетов находились на территории США, 4 (20%) в Англии, 1 (5%) в Австралии, 1 (5%) в Канаде, и, наконец, 1 (5%), опять на 19-ой позиции, в Японии. Как в первом, так и во втором случае 95% из 20 лучших университетов - англоязычные. Касательно последней классификации, из 40 лучших университетов 19 (т.е. 47,5%) находились в США, 8 (20%) в Англии, 3 (7,5%) в Австралии, 2 (5%) в Канаде, 2 (5%) в Японии, 2 (5%) в Гонконге и 2 (5%) во Франции⁷.

Чем объясняется такое англо-саксонское, в частности, американское, господство? Некоторые американские университетские городки, несомненно, заслуживают высоких позиций в международной классификации. Однако эти результаты представляются чрезмерно преувеличенными, если учитывать мощь американской экономики (примерно 25%). Помимо этого, по меньшей мере, представляется удивительным то, что среди лучших не значатся... немецкие, шведские, итальянские, испанские университеты.

Критерии, используемые при оценке, позволяют несколько прояснить ответ.

⁷ Речь идет о Высшей нормальной школе и Политехнической школе, занимающих, соответственно, 28 и 34 позиции.

Например, в Шанхайской классификации важность, уделяемая Нобелевским премиям, кажется сильно раздутой: 20% соответствует числу лауреатов из упомянутых учебных заведений, 10% связаны с числом бывших студентов, получивших премии. К этому нужно добавить 20%, соответствующих наиболее цитируемым исследователям, т.е. лауреатам Нобелевских премий (цитирование лауреатов Нобелевских премий не может навредить публикации статьи) или тех, кто может ими стать. В заключение, половина выдержки отведена на бывшее, настоящее или возможное будущее присутствие Нобелевской премии в оцениваемых заведениях. А, как ранее было описано, соотношение между Нобелевскими премиями по экономике между англо-саксонами и, в частности, американцами чрезвычайно завышено (соответственно 92% и 86%).

К этим 50% выдержки напрямую связанными с Нобелевскими премиями, прибавляется 40%, связанные с публикациями в изданиях, которые считаются "топовыми" и находятся в подавляющем своем большинстве в англо-саксонских странах, в частности, в США.

Остаются 10%, относящиеся к средним публикациям профессоров из рассматриваемых учебных заведений. Насколько может заметить читатель, существует некоторая чрезмерность между этими разными критериями.

Любопытно, что не один из критериев не учитывает способность найти работу по окончании учебы, размер полученной зарплаты... Ничего относящегося к культурному разнообразию, к способности преподавать на разных языках...

Помимо этого, удивительно констатировать, что публикации таких исследовательских учреждений как CERN и INSERM...не были подсчитаны.

Таким образом, страны континентальной Европы вкладывают сегодня огромные суммы⁸ в заведомо проигранную гонку, в которой они амбициозно желают продвинуть свои университеты с 3-ей категории на 2-ю, или суметь закрепиться на 2-ой, как университет Пари 6, перешедший в Шанхайской классификации с 42-го на 40-е место в промежутке между 2008 и 2009 годами. Невозможно вообразить себе международной классификации, где бы отсутствовали среди первых Гарвард, Йель, университеты Чикаго и Колумбии, Массачусетский Технологический Институт... Другие университеты соответственно отодвинуты на нижестоящие места. Придавая ценности данным классификациям, эти заведения поддерживают идею о том, что международные студенты должны сначала попытаться записаться в учреждение, находящееся вне Европы, и только потом, если их не отобрали, они должны обратиться в наши университеты!

Стремление приобрести видимость, участвовать в сети, страх быть исключенными из нее, заставляет сегодня университетские городки континентальной Европы принять догоняющую стратегию, которая никогда не позволит им достичь первых мест.

В конце этой статьи зададимся вопросом, существует ли альтернатива полному

⁸ Например, Испания недавно определила 15 кампусов, каждому из которых будет выделено в 2009 г. До 5 млн. евро.

использованию английского на 2 и 3 циклах обучения в высшем учебном заведении, или же эта практика впоследствии затронет лицензиат, с прицелом на среднее школьное образование. Поскольку речь идет о политическом вопросе, то для его решения требуется достаточная политическая воля. Такая воля должна позволить внедрить альтернативную политику, имеющую следующие характеристики.

- Подталкивать нефранкоязычных студентов, желающих учиться во франкоязычном регионе, к изучению французского языка путем лингвистических практик, предшествующих началу занятий в учебном заведении, что привело бы к благоприятным экономическим последствиям для языковых школ, торговли...
- Ограничить для иностранных студентов использование английского языка в первом учебном семестре и на занятиях, проводимых преподавателями английского языка как родного.
- Способствовать более широкому использованию учебников на французском языке, и таким образом, придать большую известность их авторам.
- Позволить франкоязычным исследователям представлять их работы на французском языке на конференциях, организованных во франкоязычном регионе и в случае необходимости публиковать их на этом языке.
- Развивать высококачественные научные издания, позволяющие использовать французский язык.
- Поддерживать разнообразие экономического мышления.
- Создать международные оценочные системы для университетов, которые

основывались бы на оценках и придавали бы большую ценность культурному разнообразию, способности преподавать и учиться на разных языках (французский, английский, немецкий, итальянский, испанский...). При этом избегать классификации университетов от первого до последнего, с целью создания групп. Лидирующий университет должен быть поистине ярко выраженным представителем этого разнообразия.

- Развивать (Европейское сообщество) учебные программы, уважающие это разнообразие (например, Erasmus Mundus...)
- Наконец, следить за тем, чтобы уполномоченные организации увеличивали роль этого разнообразия.

